

Надежда Никитина

Вечные дети

«Издательские решения»

Никитина Н.

Вечные дети / Н. Никитина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838331-1

Произведение «Вечные дети» по жанру напоминает детектив. В одной из школ города появляется новый ученик, которого опекает странная мамаша. Почему учительнице мальчика кажется, что она уже встречалась с ним... сорок лет назад. Любопытство женщины наказывается неприятностями на работе, преследованием её семьи, похищением близкого человека. Небольшой круг лиц, втянутых в круговорот событий узнаёт, что в их лесной стороне проводился секретный эксперимент, суть которого им предстоит разгадать.

ISBN 978-5-44-838331-1

© Никитина Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Вера: дежавю	6
Глава 2. Саша: старый друг	10
Глава 3. Виктор: эгрегор	12
Глава 4. Инга: социальный аналитик	15
Глава 5. Вера: двойники	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вечные дети

Надежда Никитина

© Надежда Никитина, 2017

ISBN 978-5-4483-8331-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вера: дежавю

В начале учебного года в кабинете почти идеальный порядок: чистая доска, книжки, рассортированные по темам, в письменных приборах – ручки с цветными пастами, карандаши заточены, блокнотики под рукой, цветы на подоконниках пышные и свежие. Жалко этой красоты, которую я наводила в последние августовские дни. Через полмесяца ручку с красной пастой придётся искать в ящике стола, где отыщется всё, что тебе требовалось за последние полгода, кроме неё, нужной в данный момент. Уцелевшие цветы поблекнут. Карандаши, которыми никто не пользовался, почему-то окажутся сломанными. Черновой блокнотик превратится в закладку и потеряется, а заметки украсят поля учебников. Ну и пусть! Всё равно приятно последние минуты свободы провести в нарядном классе... одной.

– Вера Васильевна, к вам новенький. Знакомьтесь: Саша Белкин.

Завуч Галина Николаевна слегка подтолкнула в класс красивого худенького мальчика. Тот, картавя, произнёс «Здравствуйте» и робко заглянул мне в глаза. Меня волной окатило радостное удивление. Оказывается, я помнила этот взгляд и этот картавый говорок! О господи! Сколько ж лет прошло? Разумеется, это не тот, кого я внезапно вспомнила, но такое сходство не может быть случайным. Мальчик определённо внук Серёжки Баркова, моей первой детской любви.

Я произнесла дежурные слова приветствия и повела ребёнка к новым одноклассникам. Мои пятиклашки дружно поздоровались и притихли, рассматривая новенького. Я спросила, за какой партией он обычно сидит. Тот кивнул на вторую у окна, где его изучала наша рыженькая лисичка Катя.

– Катюша, возьми шефство – покажи новичку школу.

А память тут же подсунула картинку летнего утра в пришкольном лагере, меня – рыжеволосую в зелёном сарафанчике – и мою молодую маму, которая брала меня с собой в школу. Тогда она держала за руку Серёжу и говорила: «Вера, этот мальчик пойдёт с тобой в первый класс. В детский сад ему поздно, а родители работают. Поводи его денёк, расскажи о порядках».

У меня было окно в расписании, поэтому я поспешила пролистать личное дело Саши. Наша секретарша Света подвинула мне его на край стола, благо оно ещё проходило стадию оформления. Я раскрыла чистый сложенный вдвое картонный лист. Александр Анатольевич Белкин. Одиннадцать лет. Отличник. Надо радоваться такому пополнению класса! Не сразу поняла, что настораживало. В графе «отец» стоял прочерк. Мальчик за четыре года сменил три школы. Однако все оценки были проставлены одним и тем же почерком и даже пастой одного и того же оттенка. У меня при оформлении потока документов быстро сдавали глаза, уставала рука, почерк становился неразборчивым. В каждом десятом личном деле случалась помарка или описка. Документы прибывших из других областей детей отличались формой или размером. И уж, конечно, не были идеальными с точки зрения каллиграфии. Оставалось думать одно: личное дело было по каким-то причинам восстановлено и заполнено за несколько лет сразу. Я успокоилась было и почти машинально проверила печати. Это были печати разных школ, а в случае восстановления должны стоять одной – последней!

В это время раскрылась дверь из кабинета директора. Она лично провожала гостью и обрадовалась, увидев меня.

– А вот, кстати, и классный руководитель. Вера Васильевна, это мать вашего нового ученика – Полина Вадимовна Белкина. По совместительству – дальняя родственница нашей Галины Николаевны.

Если её отчество Вадимовна – значит, она не дочь, а невестка Сергея, расставшаяся с его сыном. А зачем отца из документов убирать? Я помнила интеллигентную семью Барковых.

Мать – детский врач, отец – военный. Я ходила к ним в гости и очень ценила то, что они общались с сыном и его друзьями на равных, не подчёркивая разницу в возрасте. Сергей не мог не перенять уважительного отношения к членам семьи, в том числе бывшим.

Мадам Белкина окинула меня взглядом, холодно улыбнулась.

– Мне сказали, что вы опытный педагог. Александр – воспитанный, но очень болезненный ребёнок. У нас есть справка об инвалидности. Пропуск занятий для него неизбежен, но вас это не должно беспокоить. Я учитель по образованию и смогу обеспечить его успеваемость. Запишите ему в дневник ваш контактный телефон. Буду извещать о его недомоганиях и вынужденных прогулах.

И она удалилась неспешной походкой. Её костюм выделялся в школьном коридоре ядовитым фиолетовым пятном. Я не встречала пятидесятилетней женщины, которая решилась бы на такое однотонное безобразие! Стоп! Если ей под пятьдесят – значит, она вполне могла быть женой Сергея, а Саша – их поздним ребёнком. А почему тогда отчество – Анатольевич?

Директриса прервала мои размышления:

– Вера Васильевна, этого мальчика к нам устраивали через областной отдел образования. Намекнули, что мать – хорошая знакомая губернатора. Особняк на окраине, что остался от уехавшего прокурора, – помните? Его цена два года покупателей отпугивала, а Белкина дом купила сходу. Вы уж поосторожней с этой семьёй! Мамаша просила не приставать к ребёнку с расспросами. Вся необходимую информацию она предоставит сама.

Понятно, понятно. Об отце не стоит заикаться. Может, и к лучшему? Зачем травить душу?

В школе у меня взаимных увлечений, кроме того, раннего, не случилось. Я поступила в институт с огромным комплексом неполноценности. Любовь моего будущего мужа Виктора сразила меня, как гром среди ясного неба. Доводы мамы и подруг о том, что рабочий парень из сомнительной молодёжной тусовки не чета студентке-отличнице, не могли пробить моё защитное поле огромного счастья – счастья быть любимой.

Смолоду мы с мужем долго притирались характерами, до тридцати лет как следует попили друг у друга крови, чуть не развелись к сорока, но тут дочь скоропостижно вышла замуж и подарила нам двойняшек – Алёшку и Алёнку. И, началось... Алёнка страдала аллергией, Алёшка подхватил стафилококк. Девочке едва хватало материнского молока, мальчика перевели на искусственное питание. Здоровье малышек то сплывало, то ссорило членов нашей семьи. Дочь училась. Зять зарабатывал деньги. Двойняшки подрастали у нас на руках. Я и не заметила, как мы превратились в дедушку с бабушкой, вместе балансирующих на грани любви и строгости. У меня к пятидесяти образовался благополучный брак.

Прозвенел звонок. Я вздохнула, вернула секретарю личное дело и бодро зашагала в кабинет.

В этот день последний урок естествознания стоял в расписании у моих пятиклашек. Я мужественно перенесла гвалт перемены, от которого отвыкла за лето, успела заполнить две странички журнала и понаблюдать за новеньким. Такой типаж нравится девчонкам: смуглый, кареглазый, с правильными чертами лица и коротким жёстким «ёжиком» волос над огромными ресницами и тёмными бровями.

Из-за тёплого сентября школьную форму ещё не требовали. Саша в своём строгом костюмчике и отглаженной голубой рубашке резко выделялся на фоне разноцветных футболок одноклассников. Он рассматривал их, не стремясь к контакту. Раза два спросил что-то шёпотом у Катюши. Материал урока выслушал внимательно, при обращении к нему смущался, но отвечал вразумительно.

В конце дня был назначен педсовет, поэтому я позволила себе своеобразную передышку. Повторив взаимосвязь живого и неживого, предложила школьникам описать вымышленное существо с указанием приспособлений к своей фантастической реальности. Разрешила снаб-

дить описание рисунком. Через пятнадцать минут мне на стол стали ложиться тетрадные листочки, где предложения дополнялись каракулями страшилищ с зубами, рогами и хвостами. Ребята убежали из класса, а Саша не торопился.

В дверь заглянула мадам Белкина и строго позвала:

– Ну что же ты, Шурик? Я двадцать минут жду!

Таня с Аней – две подружки, задержавшиеся в кабинете, – прыснули со смеху, услышав непривычное имя, но замолчали под строгим взглядом Полины Вадимовны. Мальчик торопливо понёс мне своё сочинение.

– Вы писали самостоятельную? Дай мне проверить ошибки в ней.

Смутившийся Саша успел сунуть мне листочек в середину стопки, а я вложила стопку в учебник, взяла его под мышку и произнесла:

– Не волнуйтесь. Грамматические ошибки учитываться не будут. Это творческое задание.

– Насколько я знаю, при изучении любой дисциплины существуют единые школьные требования.

Я решительно встала из-за стола и вежливо улыбнулась:

– Мы их обязательно вспомним при анализе работ. Простите, меня ждут на совещании.

Саша выскочил из кабинета. Белкина, не прощаясь, пошла следом.

Помню, однажды, когда мы с Сергеем учились во втором классе и после уроков играли у него в комнате, к нам зашла его мама:

– Серёжа, папа вернулся. Мы не должны скрывать, что у тебя неприятность.

Отец вошёл в военной форме, успев лишь разуться. Под его взглядом Сергей раскрыл школьную тетрадь с тройкой. Я стояла рядом и гадала: придёт наказание в виде короткого подзатыльника или долгой нотации? Мужчина смотрел на тройку слишком долго, потом с силой ткнул в оценку указательным пальцем и произнёс:

– Пусть это будет в последний раз!

И всё! Родители не взяли с сына торжественных обещаний, не запретили нам играть, не посадили «учиться, учиться и учиться». А учился Сергей хорошо – он, как и Саша, тоже был отличником.

После уроков первых дней очень хочется на улицу, а тут собрание! И это при том, что бумажная отчетность первых дней растёт в геометрической прогрессии! Только очень ленивый чиновник не поручит учителю заполнить список, данные для которого собраны в любом компьютере отдела образования.

В начале педсовета учителя ещё выжидали для приличия минут пять, но потом кто-то достал стопку тетрадей, кто-то принялся заполнять журнал. Совмещать получение очередной порции ценных указаний с выполнением своих прямых обязанностей запрещалось. И замечания делали! Раз в месяц нас положено было ставить в позу нерадивых учеников. Я тоже не теряла времени и бегала глазами по строчкам сданных сочинений. Всё знакомо. Мальчишки описывали и рисовали страшилищ из последних мультфильмов, девочки – птичек и ангелочков. И вот передо мною легла работа без рисунков.

«Я не знаю, правильно ли назвать мои существа вымышленными, потому что они кажутся мне реальными. Если свести глаза в одну точку, то в воздухе появляются разноцветные маленькие блёстки. Раньше я их видел всего несколько минут, потом глаза начинали болеть и слезиться. Я научился терпеть и смотреть сквозь слёзы. Тогда блёстки собираются в прозрачное облако. Дальше оно темнеет и приближается к тебе. Когда оно оказывается вокруг, ты слышишь внутри себя мысли этого существа. Каждое такое образование говорит, что умеет видеть настроение и спешит туда, где есть горе или радость. И то, и другое выделяет много энергии, которой они питаются. Я не спрашивал, умеют ли они дышать, но, наверное, кислород им не нужен, потому что они говорят, будто могут путешествовать хоть по Луне, хоть по Марсу, лишь бы были сытыми энергетической пищей. Как всё живое, эти существа растут и размно-

жаются. От больших существ отделяются маленькие и живут сами по себе. А иногда маленькие сливаются в одно большое. Все они очень умные и могут ответить на любой вопрос, если захотят с тобой разговаривать. Они сказали мне, что у меня мама – не настоящая, но вы знаете, кто я и где моя мама».

– Школа номер семь. Директор слушает.

– Добрый день, Людмила Матвеевна! Из области вас беспокоят.

– Я вас узнала, здравствуйте. Если сводки интересуют, то они отправлены десять минут назад. Проверьте электронную почту.

– Спасибо. Посмотрю. Я хочу уточнить вопрос по поводу мальчика. Как он устроен?

– Всё в порядке. Сегодня первый день был на занятиях.

– Я прошу вас серьёзно проинструктировать педагогический состав. Этот ребёнок перенёс тяжёлую травму. С ним работал психолог. Он прошёл период реабилитации. Ни в коем случае не надо расспрашивать его о прошлом. Лучше вообще избегать всяческих бесед. За его состоянием наблюдает мать.

– Не волнуйтесь. Я предупредила классного руководителя. У неё большой стаж работы, она – человек заинтересованный.

– Этого не надо. Отстранённость, даже равнодушие обеспечит психологическую стабильность. Людмила Матвеевна! Я настаиваю на соблюдении этих требований. Поймите меня правильно: я, в свою очередь, отчитываюсь перед..., ну, словом, вы меня поняли.

– Хотите, я обяжу классного руководителя писать ежемесячные отчёты, вести дневник наблюдения?

– Ни в коем случае! Что вы! Никакого повышенного внимания. Только строгий негласный контроль. Информацию не записывать! Всё фиксируйте и излагайте мне устно, когда я сама об этом спрошу. Исключением может стать только какая-нибудь нештатная ситуация. Но её случиться не должно.

Глава 2. Саша: старый друг

Мама раскрыла дневник и нахмурилась:

– Ты опять врешь?

– Когда?

Враньё я презирал, но считал, что каждый человек имеет право на тайну. Она долго меня изучала – видно, вспоминала что-то, но так и не вспомнила.

– Почему ты не показал мне эту запись?

– Забыл.

Мама снова принялась соображать, потом положила дневник на стол и подняла трубку телефона.

– Вера Васильевна! У сына в дневнике запись о том, что завтра вы отправляетесь в театр. В вашей школе разрешено тратить учебное время не по назначению? Что? Нет, я считаю, что программные произведения нужно читать, а не смотреть в форме постановки или фильма. Мой ребёнок завтра этим и займётся – его не ждите. Друзья? Ах, оставьте! Вам-то уж должно быть известно, что друзья никого до добра не доводили!

После звонка она сразу подобрела.

– Шурик, иди ко мне. Поцелуй маму! Умничка! Возьми из вазы пару конфет и ступай заниматься. Через часик придёшь сделать мне массаж. Шея опять не гнётся.

Я чуть прикрыл дверь в свою комнату. До конца закрывать её мама не разрешала. Она хотела в любую минуту быть уверенной, что я учусь, а не витаю в облаках. Но я именно этим и занимался. Я рассматривал сощуренными глазами те светящиеся разумные облака, которые никто, кроме меня, не видел. Я научился узнавать некоторые из них. Серое, недоброе появлялось в периоды плохого настроения мамы. Оно низко зависало над нашим домом, опускаясь на верхние ветки яблонь. Иногда сквозь серую пелену прорывались юркие розовые, серебряные или голубые шарики. Чаше других рядом со мной крутился зеленоватый с золотым отливом.

Неделю назад он спросил, зачем я в седьмой раз читаю то, с чем знаком давно. Я не понял, о чём речь, но попробовал выполнять задания, не читая правил. Это оказалось легко и просто. Теперь я учил уроки вдвое быстрее, а в оставшееся время болтал с Другом. Он решил, что ему подходит это имя, потому что означает давнего и хорошего знакомого. В это хотелось верить.

Я сел за стол, раскрыл книжку, стал смотреть в окошко и звать Друга. Скоро воздух вокруг меня заискрился, и он в моей голове крикнул: «Привет!». Я похвастался, что учительница спорила с мамой и хотела взять меня в театр. Не вышло на этот раз. Друг ответил, что я сам виноват. Надо было сделать так, чтобы мама смотрела дневник, но не видела надпись в нём. Надо было искренне верить самому, что нет этой надписи. Мы ещё посоветовались и рискнули провести эксперимент.

Когда наступило время вечернего массажа, я начал гладить маме шею и думать о том, как она устала. Я советовал ей крепко заснуть, и она послушалась. Она задремала прямо в гостиной перед телевизором – не поднялась к себе в спальню на второй этаж.

За окном темнело. Я быстренько выскочил из дома на улочку, которая шла по окраине городка, и отправился в первое со времён нашего переезда путешествие. Это было царство одноэтажных домов с палисадниками, в которых росли георгины и гладиолусы. Почти у каждого дома под окном стояли нарядные по осенней поре клёны, липы, рябины. Напротив нашего дома на автобусной остановке сидел какой-то дядька. Ему, как видно, надоело ждать автобуса, и он пешком отправился вслед за мной. Я прошагал до конца нашей окраины, где начало настоящей городской улицы отмечал двухэтажный дом из серого кирпича, и там остановился. Дом был старый. Хотя к нему протянули природный газ, на крыше ещё торчали трубы печного отопления, а за домом сохранились дровяные сарайчики.

– Живёт у тебя здесь кто? – спросил вдруг за спиной мужчина с остановки.

– Нет, – вздрогнул я.

– А какие окна тебе нравятся? – не отставал странный незнакомец.

– Не скажу, – огрызнулся я.

Он не обиделся и предложил:

– Хочешь – угадаю? Вон те крайние, где занавески с розами. Верно?

Я действительно смотрел на два этих тёплых, как я назвал их про себя, окна. Только я ничего ему не ответил, развернулся и побежал домой.

Я успел сесть за стол в своей комнате, начал переписывать упражнение. Друг считал, что я могу писать одно, а думать в это же время о другом. И я думал: как страшно вспоминать, почему первый встречный мне кажется знакомым! Мог ли этот человек быть моим отцом? Мама запретила задавать всякие вопросы о нём. «Мы, – говорила она, – одни на всём белом свете. Ты никому не нужен, кроме меня. Мы всегда были и будем вместе».

– Степан Петрович, это Полина.

– Полиночка, уже поздно! Что-нибудь серьёзное?

– Мне кажется, или у Саши опять проявляются гипнотические способности?

– У какого Саши? Ах, да, у мальчика новое имя. Полина, что за бред? Я скорее ожидал расстройства памяти, сна, странностей поведения. С чего такая фантазия?

– Степан Петрович! Он делал мне массаж, и я уснула. Нет, я просто вырубилась, выключилась на два часа. У меня обычно очень чуткий сон. Я не знаю, что он делал в это время.

– Полина, вы просто устали. Или это был скачок атмосферного давления. Возраст, наконец, – простите за нескромность.

– Степан Петрович, ему, кажется, мала рубашка. Я чувствую: он становится другим.

– Каким, Полина? Месяц назад прошла обычная процедура. Ранних проявлений никогда до сих пор не фиксировалось. Вы ситуацию контролируете?

– Конечно, не сомневайтесь, но, Степан Петрович, пришлите Артура. Для страховки.

– Ладно, но не раньше, чем через месяц. А вам корвалольчик посоветую. Хорошо снимает навязчивые состояния. Спокойной ночи!

Глава 3. Виктор: эгрегор

Незнакомый мужчина звонил нам по телефону уже три раза. Не представлялся. Разговаривать желал только с Верой. После третьего звонка, раздосадованный, я закурил прямо в комнате, рискуя нарваться на крупный скандал со стороны жены. Не то, чтобы я боялся измены после тридцати лет брака, а вот нутром чувствовал, что вляпалась моя половинка в очередную историю. Все её неприятности начинались от желания сделать как лучше, а не как легче.

В начале своего трудового пути она вечерами ползала по домам своих учеников, изучая условия для занятий. Тогда модны были посещения детей на дому. Моя мать пыталась вразумить невестку, но Верочка была исполнительным работником. Отец не давал втянуть меня в бабьи разборки, успокаивал: «По детям бегают, не по мужикам. Скоро ей надоест. Терпи, Витька!» Потом была эра туризма, патриотизма, дальних поездок и ещё много чего. Я сам не заметил, как моё чувство снисходительности переросло в уважение к человеку, который продолжал работать «как учили», хотя кругом всё давно поменялось.

Наконец в прихожей раздалось два хлопка: двери об косяк и сумки об пол. Одинаковая сила воздействия первого и второго свидетельствовала о неудачном окончании учебного дня. Я успел открыть форточку, но жена не обратила внимания на запах табака. Теперь главное – не перечить, слушать, соглашаться.

Вера вошла в комнату с синей прозрачной папкой, увидела меня и состроила страдальческое лицо:

– Задолбали! Чего от детей требовать, когда учителями идиоты управляют?

– А я давно тебе это твержу. Нормальному человеку в школе делать нечего. Что стряслось опять?

Вера пропустила мимо ушей опасную фразу про «нормальных людей», достала из папки листок и протянула мне:

– Прочти и скажи своё мнение.

Документ назывался «Характеристика ученика 5 А класса Александра Белкина». Я не обратил внимания на вступительные фразы типа «Поступил такого-то числа из такой-то школы» и постарался вникнуть в основные: «... за месяц обучения не проявил привязанности к кому-либо. Контакты носят периодический характер, предпочитает общаться со взрослыми. Эмоциональная сфера отстаёт от уровня развития памяти, внимания и от уровня, характерного для данного возраста. Обычно подобный инфантилизм свидетельствует об умственной отсталости, однако данный ученик показывает высокие результаты обучения».

Я прервал чтение и поинтересовался, что означает слово «инфантилизм». Вера, которая от голода и перевозбуждения уже щипала батон и жевала корочки, охотно пояснила:

– Это задержка в развитии.

– То есть он должен быть дебилом, но почему-то получает «пятёрки»? И тебя это тревожит?

Вера не поддержала шутку:

– Когда у человека нарушена сфера восприятия, это может быть вызвано недостатком гормонов, нарушением работы щитовидной железы. Этим управляют отделы головного мозга – гипофиз, гипоталамус.

– Вера, пощади меня! Говори по-русски.

– А я как говорю? Ты слушать не умеешь! Разве не понятно? Он достаточно эрудирован для своего возраста, но безучастен к противоположному полу, грамотно анализирует литературное произведение, но при этом совсем не эмоционален. В человеке всё взаимосвязано, а если отдельные качества отстают – это не есть норма, а может быть, даже начало психического заболевания.

Я продолжил чтение: «В работе с данным подростком нужно быть готовым к проявлению как доброжелательности, так и внезапной немотивированной агрессивности по отношению к окружающим. Приступ агрессивности обычно провоцируется состоянием беспокойства, которое желательно отслеживать (до октября провести диагностику школьной тревожности!) Начало приступа можно узнать по быстрой смене настроения от возбуждения до плача. В школе ученик закрыт, молчалив. О поведении дома данных нет (комплекс неполноценности из-за отсутствия отца?). Для устранения симптомов важно понять их причину (частая смена школ?). Поверхностные эмоции, детская непосредственность в разговоре могут быть следствием подавляющего воспитания, гиперопеки со стороны матери. В крайнем варианте такое поведение может быть результатом воздействия...».

Обилие умных слов меня не удивило. В годы повального переучивания учителей Вера два года платила за какие-то крутые и дорогие психологические курсы для классных руководителей, читала вслух Фрейда всей семье, включая нашу несовершеннолетнюю дочь Ингу. Причём последняя увлеклась необычной наукой и связала с ней дальнейшее обучение.

– И что? Ты показала документ матери мальчика?

Вера опять налилась негодованием и громко, словно перед ней сидело полшколы, зачистила:

– Да ты что! Это моя личная рабочая документация! Текущая, которая помогает в анализе, понимаешь? Я каждый год для себя пишу характеристики на новеньких, на проблемных, на отстающих. Они никого не интересовали. С начала этого учебного года у меня написано четыре характеристики, эту не закончила. Лежали себе пять листов в общем файле. И вдруг после проверки планов по воспитанию мою папку с проверенным планом воспитательной работы заносят в запертый кабинет, открывают ящик стола, якобы случайно находят мои заметки. При этом изымают только эту характеристику. В общем, назвали её некорректной, меня на ковёр вызвали, запретили всякий анализ состояния ребёнка, который перенёс стресс.

– Ты говоришь, изъяли. А что я читаю?

– Я все распечатки делаю в двух экземплярах на всякий пожарный. Папка с дубликатами в шкафу. А шкаф я на ключ запираю, иначе у него дверцы расходятся.

Как всё просто! Женщины кладут под руку, прячут подальше и обыскивают – всё в одном и том же месте. Смени место – система даст сбой! Я подумал, что звонки неизвестного могут быть следствием Вериного психоанализа, и решил, что не дам её терроризировать – отключу линию.

– Ты успокойся и послушай, что я тебе скажу. Такая бурная реакция может говорить только об одном: ты права. Богатые родственнички готовят мальчика к поступлению в элитный вуз – скорее всего, военный или дипломатический. До времени они скрывают диагноз, платят на периферии за отличный аттестат. Я тебе больше скажу. Я встречал тех, кто вырастает из таких пацанов. Взрослый мужик, а ведёт себя как ребёнок, и голос у него детский, и брить ему нечего, и женщины его не интересуют. Такие ещё приврать любят. За своим подопечным подобное замечала?

Вера наморщила лоб, потом вышла в прихожую, порылась в своей необъятной сумке и извлекла из неё ещё одну пластиковую папку.

– Он мне написал странное сочинение про энергетические сущности. Я попросила его сделать пояснительный рисунок. Смотри, что получилось.

Я прочитал работу мальчика и стал рассматривать схему. Вверху нарисовано было большое облако, от него шли нити разной толщины к маленьким человечкам внизу.

– Тебе это не напоминает схему «Невидимый кукловод и марионетки на верёвочке»? – спросила жена, заглядывая через плечо.

– И это тоже.

– А что ещё?

– Я бы сказал, но ты не любишь вспоминать моё криминальное прошлое.

– А тебе приятно напомнить лишний раз, как из-за драки ты три года моей жизни псу под хвост пустил?

– Не заводись, а то рассказывать не буду.

Вера прикусила язык. Она была любопытна. В лихие годы беспредела появилось много публикаций около фантастического содержания. Это теперь к ним привыкли и, как говорит наша дочь, научились воспринимать информацию, поделенную надвое. А тогда каждая статья казалась открытием. Прочитал я статью про то, как геологи дешифровали космические снимки и обнаружили затемнения на фотографиях. Сначала списывали их на дефекты съемки и запрашивали новые снимки. Потом поняли, что затемнения привязаны к определённым местам, что они меняют размеры и очертания. Причину пытались найти в наложении карт разного содержания, но неожиданно расположение аномалий совпало с картой мест заключения. Автор статьи утверждал, что структуры усиливали активность перед бунтами на зонах и разбухали после них. Он называл структуры эгрегором.

– Нет, – возразила жена. – Это не совсем то. Эгрегор невидим. Термин – кстати, очень распространённый сейчас – означает сосредоточение некоего управляющего поля на представителе вида. Скажем, весь табун ориентируется на одного скакуна и понимает его выбор направления.

Вера по учительской привычке принялась объяснять, но у меня сложился свой взгляд на вещи. По словам жены, группы людей формировали эгрегоры по преобладающему настрою, а по-моему, это эгрегоры определяли настрой толпы. Не зря любая духовная практика призывает к спокойствию, созерцанию. Горе осуждается, уныние приравнивается к греху, зато тихая благородная скорбь внушает уважение. Ликование вызывает зависть и оборачивается бедой, а скрытая радость продолжительна во времени. Древние подозревали: не стоит кормить своей энергией невидимых монстров!

– Простите, я давно не звонила по этому номеру и не узнаю ваш голос. Можно уточнить, с кем я разговариваю?

– Степан Петрович, психотерапевт, который ведёт Александра. Всё в порядке, Галина Николаевна! Я просто немного охрип. Вас не затруднит прочесть последние строчки характеристики?

– Всё перечисленное «может быть следствием подавляющего воспитания, гиперопеки со стороны матери. В крайнем варианте такое поведение может быть результатом воздействия...».

– Воздействия чего?

– Степан Петрович, запись обрывается. Больше нет ничего.

– Вопросительный знак стоит?

– Нет, многоточие.

– В личном разговоре вы уточняли окончание фразы?

– Нет, я забрала характеристику и запретила учителю какие-либо заметки. Но я могу уточнить.

– Дорогая моя! Это надо было сделать сразу, а теперь не стоит. Этот случай забыть. А вы, как завуч, учителей своих должны загрузить, чтобы у них отпало желание выполнять нашу работу. Каждый должен заниматься своим делом, не правда ли?

Глава 4. Инга: социальный аналитик

Не думаю, чтобы меня любили в отделе. Работа в досуговом объединении предполагает коллегиальность. Девчонки жаловались, что когда мне нужны данные для анализа, они ходят по городу с опросными листами, а когда им не хватает актёра для представления, я иду в отказ. Мне не трудно разок-другой пройтись по сцене, да только перед этим уйдёт уйма времени на репетиции, а после представления в отделе принято до ночи обмывать окончание очередного мероприятия. Не один работник такого досуга превратился в алкоголика, поэтому отдел постоянно пополнялся «свежими» кадрами. Отец, узнав такой расклад, посоветовал: «Обрубай сразу. Сойтись всегда успеешь, а вот разойтись с людьми, которые уже почувствовали власть над тобой, труднее».

Ошибкой было направлять меня в отдел культуры и работы с населением, который занимался устройством массовых праздников, организацией митингов и выборов. Зав. отделом хотелось иметь штатного психолога, чтобы отсылать к нему истеричных жалобщиков, но такого методиста им по штату провести не удалось. В результате придуманная для меня должность выглядела солидно и конкурировала по значимости с должностью заведующей.

При трудоустройстве моё социологическое образование постоянно путали с должностью социальных работников, пытались предложить мне обслуживание пенсионеров. На этом фоне работа при администрации выглядела выигрышнее и могла дать материал для написания кандидатской. Меня, как признанного городскими боссами специалиста, дважды в месяц приглашали проводить консультации в Центре семьи и брака. Неплохо платили. Нарботанный имидж совсем не вязался дружескими попойками – лучше уж прослыть горячкой.

Я составляла очередную справку для городских властей, когда ко мне привели посетительницу. У меня засосало под ложечкой от тоски по пропущенному обеду. Галина Николаевна – бывшая мамина одноклассница и её завуч в настоящем – устраивалась в кресле напротив меня надолго. Она начала с претензий по поводу того, что «власти не контролируют выполнение своего же постановления о запрете прогулок для школьников после двадцати двух часов».

Учебный год начался, а дети и родители всё ещё живут по летнему времени. Через две недели пойдут первые контрольные работы, за обилие двоек спрос будет в первую очередь с неё, как организатора учебного процесса.

Я достала органайзер, с деловым видом нарисовала в нём несколько закорючек, смешную рожицу с большими глазами и ушами, потом из вежливости снова подняла глаза на посетительницу. На голове у завуча гладкая причёска, открывавшая уши, и большие круглые очки. Не поверила: посмотрела на рисунок и прикусила губу, чтобы не рассмеяться, – так похожи они оказались.

– Галина Николаевна, я всё записала. Обещаю, что вопрос будет рассмотрен; дадим команду полиции, организуем патрули.

– Спасибо, Инга. Я знала, что ты pomoжешь. Куда это годится? За последние десять лет столько исчезновений детей! Это всё от безнадзорности.

– Сколько исчезновений?

– В прошлом году пропало двое, годом раньше – ещё трое. И до этого случалось. Для нашего городка это много.

– А почему у меня нет такой статистики?

Женщина испугалась.

– Инга, я, может быть, лишнее сказала. Эти факты не надо озвучивать. Возможно, статистика закрытая. А, может, их находили? У нас же мамы сейчас живут сами по себе, дети сами по себе. Моему Вовке тридцатник, а я не усну, пока он домой не придёт. Неделю назад –

представляешь – лежу в постели, не засыпаю, жду сына, слышу – голоса в прихожей. Выхожу, а с ним пришла Любка – ну, ты знаешь её, кудрявая такая.

– Макеева?

– Она самая. У неё муж, дочка, а она вдрызг пьяная к моему парню ночевать идёт. Я встала и говорю, не пущу, мол. Он просит: «Пусть переночует, ей не дойти до дома». А меня это должно волновать? Выгнала я их, а сама не сплю. Опять дверь хлопнула. Я халат накинула. Сын заходит и говорит: «Только попробуй что-нибудь сказать». Я ушла к себе, минут через пять слышу смех в его комнате. Я туда бегом. Лежит Любка на кровати. И как пробралась? Я одеяло сдёрнула, а она там в чём мать родила. И тут я схватила её за волосы и выволокла в коридор. Сын кричит: «С ума сошла!». Соседи на площадку вышли. А я следом одежду выкинула и закрылась. Я права, Инга?

Она пыталась «заболтать» свой прокол с пропавшими детьми. Мне не хотелось обсуждать её семейные дела. В восьмом классе Вовка принялся ухаживать за мной, а Галина Николаевна завела меня к себе в кабинет и прочла нравоучение, как быть гордой и объяснять всем мальчикам, которым ты понравилась, что нужно не на свидания приглашать, а уроки делать.

– Вы дали ему понять, что он не хозяин положения, а всё ещё ребёнок.

– Для меня – ребёнок! Я, Инга, не против постоянной женщины, не думай. Он уже не мальчик. С двумя пробовал семью создать, но обе непутёвые оказались. Я согласна: пусть бы привёл кого-нибудь с ребёнком, даже с двумя.

Это невыносимо! Она в который раз пытается вызвать меня на откровенность и получить признание в том, что меня с двойняшками бросил муж. На самом деле мы с Женей чувствовали себя крепкой семьёй, были вполне счастливы, но объяснять провинциальному городку специфику разъездной работы мужа не было желания. Всё равно не поверят – сочинят свою версию!

– Я как своего пьяницу выгнала, царство ему небесное, так ни одного мужика к себе не подпустила! Сыном занималась. Сейчас порядочных матерей нет. Одну Полиночку Белкину могу в пример привести.

– Тоже разведённая?

Галина Николаевна сделала паузу, посуровела.

– Это не наше дело. Сейчас богатые мужья на молодых до пенсии кидаются. Бог им судья, да вот ребёнка им забыть положение не позволит. За мальчиком есть пригляд – всё видят. Только ваша мама умнее других хочет казаться! Целое досье на благополучного ребёнка завела! Вы бы посоветовали ей следить за своими внуками! Отца рядом с ними нет. Всякое может случиться... И концов потом не найдёшь.

Ах ты, выдра! Прогноз моим детям она выдаёт! Я, по выработанной системе сдерживания эмоций, сделала глубокий вдох и выдох, постаралась придать голосу холодные бесстрастные интонации.

– Отца рядом с моими детьми подолгу не бывает только потому, что он работает в престижной столичной фирме. Она, кстати, спонсирует содержание группы быстрого реагирования. К тому же рядом с внуками постоянно находится наш молодой пенсионер – дедушка, у которого наверняка всплывут в критический момент старые связи с организованной преступностью. В подобной среде любые концы находят. У меня время обеденного перерыва, простите.

Собеседница поджала губы и поднялась.

– Ваше дело. Я передала, что велено.

– Кем велено? – быстро переспросила я, но ответа, естественно, не получила. Пожилая женщина опустила голову и быстро вышла из кабинета.

Пришлось предупредить зав. отделом, что после обеда задержусь – зайду к статистам. Я построила рабочий график независимо от своего «отдела развлечений», связывалась напрямую с секретарём мэра, но наглеть не стоило.

На самом деле хотелось обдумать ситуацию. Мне явно поступила угроза от какого-то третьего лица. И завуч, и директор школы наверняка уже пропесочили маму по поводу Полиночки с её сыном. Мама могла быть упёртой женщиной в выставлении оценок, но при характеристике учеников умела подбирать обтекаемые фразы. Она повторяла, что родителей нужно щадить. Чем же она так насолила, что понадобился шантаж внуками? Кто стоит за Полиночкой Белкиной?

Размышления детектива-аналитика глушили эмоции испуганной матери. Ну как, действительно, возьмутся за детей? Алёшка осторожный, чужих опасается, и напугать его до истерики проще простого. С Алёнкой дела обстоят ещё хуже: она так доверчива, что пойдёт за первым встречным, сколько её ни учи! Я остановилась на краю тротуара и позвонила отцу. Он, выслушав, решил, что прямой опасности нет, поступило предупреждение. После серьёзного разговора с мамой он подумает, как действовать. А ещё проще взять неиспользованный отпуск и прокатиться с детьми к морю. Бархатный сезон в разгаре. Он лично отвезёт нас на побережье, к тёте в станицу. Зачем рисковать?

Двигаясь в потоке людей, я продолжала гадать, что такого натворила мама, из-за чего нужно ходить по улицам и оглядываться? Я непроизвольно оглянулась. Мужчина за мной замедлил движение. Этого ещё не хватало! Я юркнула в кафе, выбрала столик у окна и убедилась, что мой преследователь окинул взглядом расходящиеся улицы, заметил меня в окне и двинулся следом. Какой уж тут обед! Я заказала кофе с пирожным, успев отметить про себя, что волнения сожгут запретные жировые калории. Ему принесли такую же чашечку, которую он через длинные промежутки времени подносил к губам. Меня из виду не упускал. У нас на курсе в подобных ситуациях восклицали: «Кино и немцы!»

Я съела пирожное и ничего лучше не придумала, как снова набрать номер папы. Не волновать же мужа, который сейчас летел где-то над Сибирью! Я достала телефон, делая вид, что набираю номер, засняла на камеру моего преследователя. И тут он направился ко мне.

- Степан Петрович? Рада вас слышать!
- Рано радуется. Вы ситуацию в Лесном отслеживаете?
- Всё под контролем, Степан Петрович!
- Странно. А у меня другие сведения.
- Это наш старый перевалочный пункт. Там опытный наблюдатель.
- Ваш опытный наблюдатель напрямую позвонил мне, хотя этот номер дан ему на самый крайний случай.
- Что могло случиться, Степан Петрович?
- Вы у меня спрашиваете? Вот прокатитесь-ка туда сами и всё выясните.

Глава 5. Вера: двойники

Я сидела на утомительном семинаре, организованном для учителей, из которых восемьдесят процентов было пенсионного и предпенсионного возраста. Каждый из них прошёл не один эксперимент в образовании, мог наперёд предсказать успех или неудачу очередного «хорошо забытого старого» и помнил многих руководящих ими «троечников» с тех времён, когда они ещё сидели за школьной партой.

Лекцию по «новым стандартам» читала нарядная старушка с обросшей стрижкой из областного управления образования. Она двигалась между рядами учителей, а её замысловатые серьги тяжело покачивались в такт утиной походке. Юбка костюма в крупных малиновых цветах висела спереди короче, чем сзади. Поскольку информационный уровень её выступления равнялся нулю, я от нечего делать рассматривала морщинистое лицо в бородавках и представляла лекторшу в просторном уютном халате, со спицами в руках и внучкой рядом. Что заставляет таких старушек упорно, из десятилетия в десятилетие внедрять чужие скороспелые гипотезы в головы скучающих практиков?!

Актный зал ещё сохранял следы весеннего украшения, оставшегося от проводов выпускников. Как это не вязалось с пейзажем за окнами, где липа уже теряла жёлто-бурые листья! Топча листву, спешили домой освободившиеся от рабочего бремени люди, и только мы... О господи! Чем ещё занять мозг? Угораздило же меня опоздать, прийти, когда все «партизанские» места уже заняли предприимчивые и наученные жизнью коллеги! Вон Валентина Михайловна на соседнем ряду устроилась великолепно, у окна. За спинами учителей принялась переписывать номера личных дел в журнал. Среди потёртых обложек её шестого класса выделялся прямоугольник новенькой папки. От скуки я написала записку «У кого из ваших такое аккуратное личное дело? Не по нашему образцу! Покажите». Записку передали – через три минуты мне пришёл ответ вместе с документом. В ответе: «Вера Петровна! Салют! Это Аксёнов Миша, прибывший год назад. Они с мамой опять собрались уезжать. Врачи рекомендуют другой климат».

Я открыла переданное личное дело. За шесть лет обучения – три школы. Одной пастой заполнены все шесть колонок с оценками, печати разных школ стоят ровно. Наша секретарша Света – человек ответственный и держит бумаги в порядке, но её печати наезжают одна на другую и выглядят где ярче, где тусклее. А как иначе, если к тебе в очередь проштамповать стоят пять классных дам с кипой личных дел каждая?

Я осторожно коснулась плечом соседки и прошептала: «Что неймётся людям? Смотрите, сколько переездов!» Пожилая учительница начальных классов грустно закивала и шёпотом поделилась: «Я этого ребёнка не учила, но в школе встречала. Я его запомнила. Он так похож на моего бывшего ученика Ваню Смирнова! Одно лицо!»

– Сын?

– Нет, этого быть не может. Ваня утонул двадцать лет назад. В шестом классе тогда учился.

И тут на нас оглянулась завуч Галина Николаевна. Она прошептала:

– Верните чужой документ и прекратите разговоры.

На шум обернулось несколько человек, в том числе директор Людмила Матвеевна. Как назло, у меня в сумочке зазвонил телефон. Я его постоянно теряю, поэтому специально поставила громкую мелодию любимой бардовской песни. После первых гитарных аккордов в аудиторию ворвался хриплый голос, возвестивший в душном помещении: «Надоело говорить и спорить...». Учителя развеселились.

Старушка-лектор остановилась и замолчала. Я отдала назад личное дело и лихорадочно искала в сумке мобильник, но натыкалась на книгу, паспорт, компьютерные диски, ручки

и кучу разной дребедени, скопившейся за неделю в моей необъятной сумочке из трёх основных и двух потайных отделений с уймай боковых кармашков (на молнии каждый).

Старушка с бородавками грустно посетовала:

– Порой удивляться приходится, кто наши учителя.

– Сколько работаем, столько и удивляемся, – отшутился физрук, вызвав новый шквал смеха.

Лекторша не поняла двусмысленности сказанного и оглянулась на директора, а та гипнотическим взглядом поедала меня. Песня продолжалась, и я, почувствовав беспомощность, стала пробираться к выходу. Я взялась за ручку двери уже тогда, когда голос из моей сумочки предложил: «На прощанье поднимай бокалы золотого терпкого вина...». Хохочущую аудиторию, похоже, вполне устраивал такой исход дела.

Я отбежала подальше от зала и почти сразу нащупала мобильник, лежавший «под рукой» – в самом ближнем кармане. Конечно, так долго звонить, зная мои отношения с телефоном, могла только дочка.

– Инга! Что стряслось? У меня же совещание!

– У тебя всю жизнь совещания! Что, совсем говорить не можешь?

– Теперь уже могу.

Я плохо представляла себе, как войду обратно. К тому же лекция шла уже два часа и, по логике, должна вот-вот закончиться. И я пошла к своему классу, прижав плечом к уху мобильник и шаря в сумке – теперь уже в поисках ключа. Про ключ я забыла с первых же слов рассказа Инги, поэтому пальцы «на автомате» вынули связку со дна сумки, отобрали нужный и открыли дверь.

– Ему лет сорок. Зовут Николаем Барковым. Живёт с женой и матерью. Родился он здесь, но когда ему было полгода, отец получил новое назначение. Семья переезжала и попала в автокатастрофу. При этом погибли отец и старший сын. Тело сына отдали на захоронение в закрытом гробу, сказали, что от него мало что осталось и смотреть родственникам на это нельзя. Мама, ты меня слушаешь?

– Да. У Сергея Баркова перед отъездом действительно родился младший брат. Они уехали, но об аварии никто не слышал.

– Ты что, знала Сергея?

– Мы росли вместе. Дружили до третьего класса. Потом стали стесняться насмешек. А в конце четвёртого их семья уехала. Значит, Сергей погиб? Как жалко!

– Об этом и разговор. Мать Николая на похоронах очень плакала и просила открыть гроб. Она не поверила в смерть старшего сына. Он был любимцем отца, очень был на него похож. От младшего сына внуков она не дождалась, к старости стала проситься жить обратно в наш город. Они купили домик на окраине под дачу. Приезжают на лето, на выходные. Этой осенью мать сидела у окна и увидела мальчика, как две капли воды похожего на Сергея. Он, Николай, видел фотографии отца и старшего брата, встречал мальчика и готов подтвердить слова матери.

– Но фамилии и имена у мальчиков разные? Уж не о Белкине ли идёт речь?

– Да. Мать Николая уверена, что произошла трагическая ошибка, что Сергея вылечили, отдали на усыновление, что у него родился ребёнок, который сейчас ходит по городу под другой фамилией. Николай считает некорректным обращаться к матери ребёнка, поэтому хотел бы осторожно узнать о мальчике всё, что можно. Ему известно, что ребёнок в твоём классе. Но сам Николай бывает здесь наездами, с тобой всё никак не пересечётся, в школу посторонних не пускают, а папа запретил ему звонить к нам домой. Случайно он вышел на меня. Мы сейчас сидим в кафе. Что ему ответить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.